

Б.Д. БАЛЪЖИНИМАЕВА
(Улан-Удэ)

**ОБЩЕМОНГОЛЬСКАЯ ЛЕКСИКА
ВЫДЕЛКИ КОЖ И ШКУР В ХАЛХА-
МОНГОЛЬСКОМ, БУРЯТСКОМ
И КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКАХ***

Рассматривается общемонгольская лексика выделки кож и шкур в халха-монгольском, бурятском и калмыцком языках. Терминология шорного ремесла является одним из самых значительных лексических слоев монгольских языков. Богатая и разнообразная микролексика данной группы включает названия мастеров по коже, их инструментов, наименования производственных процессов, а также традиционных изделий из кожи, широко применявшихся в быту. Фиксация, классификация и лингвистический анализ с подробными пояснениями необходимы, поскольку термины шорного ремесла постепенно начинают забываться и переходят в пассивный запас лексики.

Ключевые слова: монгольские языки, общемонгольский характер, шорное ремесло, кожа, инструменты, кожаные изделия.

Обработка кожи, войлока была неотъемлемо связана с кочевым образом жизни-скотовода и во многом зависела от мастерства женщин, которые с детства обучались шитью и владели простейшими навыками обработки овчины, кожи.

В существующей научно-исследовательской литературе бурятских ученых Г.А. Улаханова (1927), М.Н. Хангалова (1958), Л.Л. Линховоина (1972), Д.Б. Махазагдаевой (1977), Д.Д. Санжиной (1994), А.А. Бадмаева (1997, 2005) освещены вопросы, касающиеся обработки шкур с приведением названий основных терминов и инструментов, с помощью которых выделывали кожи.

Немало терминов приведено в приложении работы монгольских исследователей В. Бунчина «Уналга эдэлгээний малын ашиглалт, тоног хэрэгсэл» (1988), Ц. Гочоо, С. Бадамхатана «Дархадын ширэн эдлэл» (1964, 1982),

* Публикация подготовлена при поддержке РГНФ-МинОКН Монголии в рамках проведения научных исследований «Сложение пласта традиционной бытовой лексики монгольских языков (на примере халха-монгольского, бурятского и калмыцкого языков, сравнительно-исторический аспект)» (проект № 16-24-03001 а/м).

Л. Сономцэрэна «Монгол эдийн соёл, ардын урлагийн зүйчилсэн тайлбар толь» (1992), Г. Гонгоржава «Монголчуудын эрдэм ухааны уламжлал» (1994), Ч. Сонгино «Малаас гаралтай түүхий эд боловсруулдаг ардын уламжлал» (1997).

Источниками изучения рассматриваемой лексики в калмыцком языке являются работы П.И. Небольсина (1852), К.Э. Эрендженова (1990), С.Г. Батыревой (2006), П.Б. Федоровой (2008), М.У. Монраева (2014).

Приведенные выше работы дают богатый фактический материал для изучения лексики, связанной с технологией обработки и изготовления кожаных изделий. С уходом из жизни представителей старшего поколения, а также с появлением готовых покупных изделий многие старые термины шорного ремесла могут оказаться навсегда утраченными и невозможными. Некоторые названия традиционных кожаных изделий переходят в пассивный запас лексики, остаются зафиксированными лишь в научной и научно-популярной литературе, а также в различных типах словарей и в произведениях художественной литературы, отражающей старый быт.

Целью данной статьи является сравнительный лексико-грамматический анализ общемонгольской лексики, относящейся к обработке шкур и кож в халха-монгольском, бурятском и калмыцком языках.

Лексику, включающую всю детализированную терминологию обработки шкур, можно классифицировать следующим образом: 1) названия мастеров-шорников; 2) термины, обозначающие инструменты и технологию обработки шкур; 3) названия конской упряжи и предметов быта.

А.А. Бадмаев в своей монографии «Ремесла агинских бурят» среди шорников проводит следующее деление: на сапожных мастеров, седельщиков, кожевников и простых шорников [1].

Мастеров по выделке кожи, сосудов, конской сбруи и чепраков называли следующим образом: х.-монг. *тоногчин*, бур. *тоногшон*, калм. *арсч-көрсч*. Если некоторые шорные изделия типа узды, пут изготавливались главой семьи – мужчиной, то седло заказывали специально седельщику (ср. х.-монг. *эмээлчин*, бур. *эмээлиэн*, калм. *эмэлч*). Вышеприведенные термины в современном монгольском и бурятском языках образованы по аффиксаль-

ному способу при помощи суффиксов =чин, =шэн от имен существительных эмээл «седло», тоног «снаряжение, сбруя».

Сапожных мастеров называли следующим образом: х.-монг. *гуталчин*, бур. *сабхишан*, калм. *сөөкэч*. В Бурятско-русском словаре не зафиксировано слово *гуталшан* в значении «обувщик», хотя в современном бурятском языке под этим словом может подразумеваться «мастер по ремонту обуви» [4]. В традиционном быте монгольских народов раньше не было специальных *гуталчинов*, т.к. каждая женщина в семье шила обувь на всех членов семьи. Бурятское слово *сабхишан* в значении «сапожник» было заимствовано у русских. О суффиксах =чин, =шан в образовании терминов, отражающих род занятий и специализацию человека, С.Л. Чареков пишет: «Первичной семантикой суффикса =ша(н), по мнению многих исследователей, является обозначение профессии / занятия человека. Словоформы с этой семантикой образуются от конкретных имен существительных, но, тем не менее, здесь степень абстрагированности от исходного значения различна. Наиболее простым случаем можно считать прямое соответствие между названием предмета и деятельностью, связанной с этим предметом: *арнашан* “кожевник” (*арна(н)* “кожа”). Эта модель весьма продуктивна, и подобным же способом возникло много новых форм заимствованных и калькированных слов, а также слов, обозначающих новые, ранее отсутствовавшие профессии и занятия: *сабхишан* “сапожник” (*сабхи* “сапоги”)» [14, с. 52–53].

В монгольских языках сложилась богатая терминология, определяющая названия шкур животных. Ср.: х.-монг. *арьс*, бур. *архан*, калм. *арсн* «шкура, кожа», х.-монг. *нэхий*, бур. *нэхи*, калм. *некэ* «длинношерстная овечья шкура», х.-монг. *үзүүрсэг*, бур. *үзүүр / үзүүргэ* (букв. «острие, шпиль») «шкура с длинной отросшей после стрижки шерстью», х.-монг. *сармай*, бур. *харьмай* «весенняя овчина с непрочной линяющей шерстью», х.-монг. *хурганы арьс*, бур. *хурьганай архан*, калм. *хурсх* «мерлушка», х.-монг. *унаганы арьс*, бур. *унаганай архан*, калм. *уһн арсн* «шкура жеребят», х.-монг. *тэмээний арьс*, бур. *тэмээнэй архан*, калм. *темэнэ арсн* «верблюжьей шкуры», ср. х.-монг. *үхрийн арьс*, бур. *үхэрэй архан*, калм. *үкрин арсн* «шкура крупного рогатого скота». В зависимости от названий животных в видовых названиях шкур определяющее слово употребляется в родительном падеже.

Названия сырья кожевенного ремесла могут быть двух видов – сырье для изготовления самой кожи и кожа (как материал для изготовления кожевенных изделий): х.-монг. *сарьс*, бур. *харьхан*, калм. *сэрсн* «мягко выделанная голая тонкая кожа», х.-монг. *булигаар*, бур. *булгайр*, калм. *булһар* «юфть», х.-монг. *илэг / илгэн*, бур. *арһан эльгэн*, калм. *илгн* «замша».

Существовали разные приемы обработки шкур. Некоторые из них не требовали почти никаких усилий – шкуры просто высушивались в разостланном на земле виде, другие обрабатывались с помощью разнообразных приемов и приспособлений – в зависимости от того, для чего предназначалось изделие. Процесс обработки, выделки шкур носит общее название: х.-монг. *элдэх*, бур. *арһа элдэхэ*, зап.-бур. *этиххэ*, калм. *арсэлдх*.

Первым этапом выделки шкуры является снятие остатков жира и мяса (ср. х.-монг. *халимлах / цулгуйлах*, бур. *халимдаха / халимнаха*, калм. *хальмх / махльх*). После снятия остатков жира и мяса шкуру сушат в течение нескольких дней (ср. х.-монг. *хатаах*, бур. *хатааха / һүүрээхэ*, калм. *арс хагсах / эврэх*). Во время подсушивания шкуру постоянно расправляли (ср. х.-монг. *сунгажэ дэлгээх*, бур. *жээдэлхэ*, калм. *сунһх*) и разглаживали (ср. х.-монг. *тэнийлгээжэ татах*, бур. *тэнийлгээхэ / татаха*, калм. *арьс телх*). Название процесса сушки шкуры в сравниваемых монгольских языках выражено разными терминами. Так, слово *хатааха* образовано от основы глагола *хатаа* = «сушить, высушивать», а слово *һүүрээхэ*, по видимому, образовано от основы *һүү* =. Ср.: *һүүдэр* «тень», *һүүрээхэ* «сушить в тени».

Затем мездровую сторону натирают молоком или кисломолочным продуктом (ср. х.-монг. *идээлэх*, бур. *эдеэ оруулха / түрхихэ*, калм. *арс идэлх*), сворачивают шкуру обработанной стороной внутрь и оставляют на сутки (ср. х.-монг. *дэвтээх*, бур. *арһа дэбтээхэ*, калм. *арс девтэх*).

Монголы использовали также другой способ обработки шкуры (ср. х.-монг. *гандахуй / шүүлэх*, калм. *сэвэсн / сэвэстэ бозо*), который заключался в том, что в сыровотку добавляли одну чашку соли и помещали шкуру в раствор на 11–20 суток. Этот соленый раствор назывался *шүү* < кит. *xiào* [23]. Термин *гандахуй*, возможно, образован от слова *ган* «сосуд, емкость» (ср.: *ганд хийх* → *гандах*). После промывали шкуру в молоке, сворачивали и сушили. Повторно обрабатывали кисломолочной смесью и по истечении 2 дней соскабли-

вали образовавшуюся корочку скребком *хянгар*. Этот этап работы назывался *хусах / хянгардах*. Через некоторое время шкуру разминали скребком (ср. х.-монг. *хэдрэг*, калм. *эдрг / эдрһн*). Эта операция называлась следующим образом: х.-монг. *хэдрэгдэх*, калм. *эдрһнх*.

Для облегчения процесса скобления в прошлом использовали ножной скребок (ср. х.-монг. *хөлдэгүүр / хөл хянгар*, бур. *хүл шударга*, калм. *өвдг элдүр*). Составные термины с определительным компонентом – названиями частей человеческого тела – в монгольских языках являются употребительными. В современном монгольском языке главное слово термина-словосочетания *хөл дэгүүр* взято от названия основания скребка – *дэгүүр* «крючок».

В отличие от халха-монголов после обработки шкуры кисломолочными продуктами буряты размягчали кожу при помощи палочки-закрутки (*мушхалаа*) путем многократного закручивания и растягивания (бур. *мушхалаада оруулха*). Для этого в тени под навесом втыкали кол высотой около 1 метра и с помощью двух палочек накрученную шкуру закрепляли на колу. Рассмотрим название *мушхалаа*. Бур. *мушхалаа* «палочка-закрутка для выделки овчины» образовано от основы глагола *мушха* = «крутить, вертеть, скручивать; свивать, вить» при помощи суффикса =*лаа*. Посредством этого суффикса в бурятском языке от глагольных основ образуются имена существительные, обозначающие результат действия. В термине – глагольном словосочетании *мушхалаада оруулха* (досл. «в закручивание ввести») имя существительное в дательном месте имеет значение процесса (т.е. мять шкуру путем закручивания при помощи палочки).

После завершения закручивания шкуры ее внутреннюю поверхность очищают скребком *хэдэргэ* или скребком из сломанной косы (бур. *хангир*, калм. *хаж / шалһ*). Этот процесс в бурятском языке назывался *хатуулдиха / хатуулдиха*. Термин *хатуулдиха*, с нашей точки зрения, образован от имени прилагательного *хатуу* «твердый, жесткий» при помощи суффикса =*лди*. В данном случае глагол *хатуулдиха*, видимо, имеет значение «убрать твердое», что означает «чистить ненужный слой».

Очистку внутренней поверхности более грубых и твердых шкур производили при помощи ножного крюка (бур. *үбдэг талхи*, калм. *өвдг элдүр*). Такая кожемялка представляет собой основание из толстого дерева с дву-

мя вертикальными досками. На эти доски набрасывалась шкура и продавливалась коленом. А.А. Бадмаев, сопоставляя кожемялку *үбдэг талхи* с кожемялкой «беляк», предполагает, что этот тип кожемялки был заимствован бурятами у русских [1]. В бурятском же языке данное приспособление названо описательно именным словосочетанием: имя существительное *үбдэг* «колено» и существительным *талхи* «кожемялка».

Для основательного размягчения кожи использовали различные кожемялки: ручная кожемялка (ср. х.-монг. *талхи*, бур. *гар талхи*, калм. *тоха элдүр*), ножная кожемялка (ср. бур. *хүл талхи*), вращающиеся кожемялки (бур. *эрюулгэ*). Название вращающейся кожемялки образовано от основы глагола *эрюулэ* = «вращать, крутить» при помощи суффикса =*лгэ*. Для обозначения выделки шкуры на кожемялке *эрюулгэ* употребляются термины *арһа эрюулхэ / эрюулгэдэхэ*. Термин *эрюулгэдэхэ* образован от имени существительного *эрюулгэ* «кожемялка» при помощи глаголообразующего суффикса =*дэ*.

Для размягчения кожи использовали кисломолочные смеси. Обработка кожи кислым молоком была известна кочевникам еще в XIII в. Францисканский монах и путешественник Гильоме Рубрук писал: «Монголы кожи приготавливают при помощи кислого, сгустившегося и соленого молока» [9, с. 78]. После многократной обработки кисломолочной смесью через два-три дня овечьи и козьи шкуры смазывали молоком (*жэиэхэ*). Для получения качественной мягкой кожи использовали вареную печень, которая разминалась в молоке до полного растворения. Полученной кашицей обмазывали внутреннюю сторону кожи, после чего сворачивали. Этот способ назывался так: х.-монг. *эльгдэх*, бур. *эльгэдэлгэ*. Термин *эльгэдэлгэ* в бурятском языке образован от слова *эльгэн* «печень» при помощи глагольного суффикса =*дэ*, следующим этапом явилось образование слова *эльгэдэлгэ* «обработка печени» посредством суффикса =*лгэ*, обозначающего название действия. В бурятском языке также существует термин *эльгэн арһан* «замша».

Выделанные шкуры подвергали по мере надобности дополнительной обработке дымом (ср. х.-монг. *утах*, бур. *утаха*, калм. *утх*). Дымленные кожи были прочнее и приобретали приятный желтоватый оттенок.

Овчину, предназначенную для шитья обуви, красили натуральной краской (ср. х.-монг. *бу-*

дах, бур. будаха, калм. будх). Для получения юфти на изготовление летней обуви, конской сбруи, разных видов тар удаляли шерсть. Удаление шерсти называлось так: х.-монг. *зумлах*, бур. *зулмааха*, калм. *арс үвэлх*.

Необходимо отметить, что термины обработки шкур и кож в монгольских языках несколько различаются. Это объясняется различием в обработке шкур и некоторых орудий для выделки кожи. Термины обработки кожи и шкур образованы от именных основ при помощи глаголообразующих суффиксов.

Предметы, изготовленные из животного сырья, нашли свое отражение в общенародной лексике монгольских языков. Их наименования составляют наиболее древний пласт словарного состава языка. Д.Д. Санжина в статье «Названия изделий из кожи и шерсти у бурят» все шорные изделия условно разделила на две группы: 1) наименования конской упряжи и предметов быта, 2) названия одежды [10].

Изготовлением конского снаряжения занимались исключительно мужчины. Лексика, относящаяся к конской упряжи, является в сравнимых языках в основном общемонгольской: х.-монг. *хэжэм*, бур. *хэжэм*, калм. *кежм* «чепрак», х.-монг. *гөлэм / дөрөөвч*, бур. *дүрөөбиэ*, калм. *гөлм* «чепрак», х.-монг. *ганзага*, бур. *ганзага*, калм. *һанзһ* «торока», х.-монг. *жирэм*, бур. *жэрэм*, калм. *жирм* «ремень протягиваемый сквозь пряжку седельной подпруги», х.-монг. *хазаар*, бур. *хазаар*, калм. *хазар* «конская узда», х.-монг. *ногт*, бур. *ногто*, калм. *ногт* «недоуздок», х.-монг. *хантайрга*, бур. *хантарга*, калм. *хантрһ* «ремень удили», х.-монг. *чөдөр*, бур. *шүдэр*, калм. *сур чөдр* «путы».

Шорники делали кнуты (ср. х.-монг. *минаа / малиа*, бур. *минаа*, калм. *малиа*), ремни и петли арканов (ср. х.-монг. *уургын хуйв*, бур. *зуйба*), длинные витые веревки из кожи (ср. х.-монг. *аргамж(ин)*, бур. *аргамжа*, калм. *арһмж*), гужи у хомута (ср. х.-монг. *хомын чих*, бур. *хо муудай шэхэн*), плетёно-нагайка (калм. *елдң*), бич (калм. *ташмг / аратньг*), крученый аркан (калм. *төмх*), бич, плетёный в четыре ряда (калм. *шилвр*).

А.А. Бадмаев в своей работе «Традиционная утварь бурят в XIX – начале XX в.: технологический и мировоззренческие аспекты» отмечает, что довольно скудная информация имеется о бурятских кожаных сосудах для хранения жидких кисломолочных продуктов, молочной водки, описанных в трудах исследователей культуры монголов, тувинцев, калмыков

и многих других скотоводческих народов Евразии [2].

Бытовали бурдюки, фляги различной формы и вместимости: бурдюк (ср. х.-монг. *хөхүүр*, бур. *хүхүүр*, калм. *көкүр*), кожаный бурдюк для приготовления и хранения кумыса (х.-монг. *архад*, калм. *архд*), сосуды с шаровидным туловом и длинным горлышком наподобие бутыли (х.-монг. *борви*, торг.-калм. *бөрв*, дерб.-калм. *бортхы*), кувшинообразный сосуд вместимостью до двух литров (х.-монг. *бортого*, калм. *бортх*), кожаная фляга (х.-монг. *дашмаг / төгрөг хөхүүр / намбуга / намаг*). Кожаные ведра с коническими, слегка зауженными кверху стенками и плоским дном имели плетеные дужки из волоса (ср. х.-монг. *ховоо / хөнөг / хөмөнхувин*, бур. *хүнэг хүхүүр*, калм. *суулһ / утхур / хова*).

Кроме кожаных сосудов монгольские народы пользовались в быту всевозможными мешками и сумами из кожи: переметная сума (ср. х.-монг. *богц / даалин / мааюуз*, бур. *богсо уута / сумаа*, калм. *даалң*), переметная сума (ср. х.-монг. *морины ачмаг*, закам.-бур. *ашамаг*), мешок для хранения и перевозки продуктов, одежды и постели (ср. х.-монг. *тулам*, бур. *тулам*, калм. *тулм*), кожаный мешок меньшего размера для различных хозяйственных нужд (ср. х.-монг. *уут*, калм. *йтә*), небольшой кожаный мешок для провизии (ср. х.-монг. *тунгэригэг*, бур. *туулмаг*). Были также в употреблении такие тары и емкости, как *эвхдэг тулганы гэр* «чехол для складного тагана», *хээрэвч тогооны гэр* «чехол для походного котла», *цайны согтоош* «кожаная ступка для размельчения чая», *сүхний ширэн гэр* «чехол для топора», бур. *алишуур*, калм. *тәмкин түңгэриг / улвч* «кисет для табака».

Проанализированный материал говорит о богатом опыте монгольских народов по обработке и выделке различных шкур, о чем свидетельствуют термины, относящиеся к этому виду хозяйственной деятельности: *гар талхи*, *үбдэг талхи*, *мушхалаа*, *эрьюлгэ*, *халимдалга*, *хатуулдилга*, *эльгэдэлгэ* и др. Единицы данного лексического пласта являются четко детализированными и восходят к общемонгольским. Исследование отдельных тематических групп лексики монгольских языков следует продолжать и расширять, поскольку они позволят полнее охарактеризовать словарный состав монгольских языков и их сложение.

Список литературы

1. Бадмаев А.А. Ремесла агинских бурят. Улан-Удэ, 1997.

2. Бадмаев А.А. Традиционная утварь бурят в XIX – начале XX в.: технологический и мировоззренческий аспекты. Новосибирск: Препрессстудио, 2005.
3. Батырева С.Г. Народное декоративно-прикладное искусство калмыков XIX – начала XX вв. Элиста: АОР «НПП «Джангар», 2006.
4. Бурятско-русский словарь / сост. К.М. Черемисов. М., 1973.
5. Калмыцко-русский словарь / под ред. Б.Д. Муниева. М., 1977.
6. Линховоин Л.Л. Заметки о дореволюционном быте агинских бурят. Улан-Удэ, 1972.
7. Монраев М.У. Названия кожи и кожаных изделий в калмыцком языке (этнолингвистический аспект) // Вестн. Калм. ин-та гуманитар. исследований РАН. 2014. № 3. С. 119–122.
8. Небольсин П.И. Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса. Спб., 1852.
9. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны // Путешествие в восточные страны Плана Карпини и Рубрука. М., 1957.
10. Санжина Д.Д. Названия изделий из кожи и шерсти у бурят // Этнокультурная лексика монгольских языков. Улан-Удэ, 1994. С. 118–126.
11. Улаханов Г.А. Кожевенное кустарное производство у северных бурят // Бурятоведческий сборник. Иркутск, 1927. Вып. 3–4. С. 83–89.
12. Федорова П. Б. Этнокультурная лексика современного калмыцкого языка (технология обработки кожи и изготовление изделий из нее) // Научная мысль Кавказа. 2008. № 2(54). С. 117–120.
13. Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ, 1958. Т. 1.
14. Чареков С.Л. Эволюционная морфология. Ч. I: Функционально-семантическая эволюция суффиксов в алтайских языках. СПб., 1999.
15. Эрендженев К.Э. Золотой родник. Элиста, 1990.
16. Бадамхатан С. Дархадын ширэн эдлэл. Улаанбаатар, 1982.
17. Бунчин В. Уналга эдэлгэний, малын ашиглалт, тоног хэрэгсэл. Улаанбаатар, 1988.
18. Гонгоржав Г. Монголчуудын эрдэм уханы уламжлал. Дөтгөөр дэвтэр. Улаанбаатар, 1994.
19. Гочоо Ц. Дархад ардын ширэн эдлэл. Улаанбаатар, 1964.
20. Махазагдаева Д.Б. Агын бурядай арха элдэлгэдэ хабаатай үгэнүүд тухай // Исследование бурятских и русских говоров. Улан-Удэ, 1977. С. 196–207.
21. Сонгино Ч. Малаас гаралтай түүхий эд боловсруулдаг ардын уламжлал. Улаанбаатар, 1997.
22. Сономцэрэн Л. Монгол эдийн соёл, ардын урлагийн зүйчилсэн тайлбар толь. Тэргүүн дэвтэр. Улаанбаатар, 1992.
23. Сүхбаатар О. Монгол хэлний харь үгийн толь. Улаанбаатар, 1999.
- * * *
1. Badmaev A.A. Remesla aginskih burjat. Ulan-Udje, 1997.
2. Badmaev A.A. Tradicionnaja utvar' burjat v XIX – nachale XX v.: tehnologicheskij i mirovozzrencheskij aspekty. Novosibirsk: Prepressstudio, 2005.
3. Batyreva S.G. Narodnoe dekorativno-prikladnoe iskusstvo kalmykov XIX – nachala XX vv. Jelista: AOOr «NPP «Dzhangar», 2006.
4. Burjatsko-russkij slovar' / sost. K.M. Chermisov. M., 1973.
5. Kalmycko-russkij slovar' / pod red. B.D. Munieva. M., 1977.
6. Linhovoin L.L. Zametki o dorevoljucionnom byte aginskih burjat. Ulan-Udje, 1972.
7. Monraev M.U. Nazvanija kozhi i kozhanyh izdelij v kalmyckom jazyke (jetnolingvisticheskij aspekt) // Vestn. Kalm. in-ta gumanit. issledovanij RAN. 2014. № 3. S. 119–122.
8. Nebol'sin P.I. Ocherki byta kalmykov Hosheutovskogo ulusa. Spb., 1852.
9. Rubruk G. Puteshestvie v vostochnye strany // Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka. M., 1957.
10. Sanzhina D.D. Nazvanija izdelij iz kozhi i shersti u burjat // Jetnokul'turnaja leksika mongol'skikh jazykov. Ulan-Udje, 1994. S. 118–126.
11. Ulahanov G.A. Kozhevennoe kustarnoe proizvodstvo u severnyh burjat // Burjatovedcheskij sbornik. Irkutsk, 1927. Vyp. 3–4. S. 83–89.
12. Fedorova P. B. Jetnokul'turnaja leksika sovremennogo kalmyckogo jazyka (tehnologija obrabotki kozhi i izgotovlenie izdelij iz nee) // Nauchnaja mysl' Kavkaza. 2008. № 2(54). S. 117–120.
13. Hangalov M.N. Sbranie sochinenij. Ulan-Udje, 1958. T. 1.
14. Charekov S.L. Jevoljucionnaja morfologija. Ch. I: Funkcional'no-semanticheskaja jevoljucija suffiksov v altajskikh jazykah. SPb., 1999.
15. Jerendzhenov K.Je. Zolotoj rodnik. Jelista, 1990.
16. Badamhatan S. Darhadyn shirjen jedljel. Ulaanbaatar, 1982.
17. Bunchin V. Unalga jedjelgenij, malyn ashig-lalt, tonog hjerjagsjel. Ulaanbaatar, 1988.
18. Gongorzhav G. Mongolchuudyn jerdjem uha-any ulamzhlal. Dotgøer djevtjer. Ulaanbaatar, 1994.
19. Gochoo C. Darhad ardyn shirjen jedljel. Ulaanbaatar, 1964.
20. Mahazagdaeva D.B. Agyn burjadaj arha jedjelgjedje habaataj ygienyyd tuhaj // Issledovanie burjatskikh i russkikh govorov. Ulan-Udje, 1977. S. 196–207.
21. Songino Ch. Malaas garaltaj tyyhij jed bolovsruuldag ardyn ulamzhlal. Ulaanbaatar, 1997.
22. Sonomcjerjen L. Mongol jedijn sojol, ardyn urlagijn zyichilsjen tajlbar tol'. Tjergyyen djevtjer. Ulaanbaatar, 1992.
23. Syhbaatar O. Mongol hjelnij har' ygijn tol'. Ulaanbaatar, 1999.

Mongolian vocabulary for tanning of hides and skins in Khalkha Mongolian, Buryat and Kalmyk languages

The article deals with the Mongolian vocabulary for tanning of hides and skins in the Khalkha Mongolian, Buryat and Kalmyk languages. The terminology of saddle craft is one of the most significant lexical layers in the Mongolian languages. The rich and diverse microvocabulary of this group includes the names of leather artisans, their tools, the names of production processes, as well as traditional leather goods widely used in everyday life. Fixation, classification and linguistic analysis with detailed explanations are necessary because the terms of the saddlery craft are gradually forgotten and go into the passive vocabulary.

Key words: *the Mongolian languages, Mongolian character, saddlery craft, leather, tools, leather products.*

(Статья поступила в редакцию 11.09.2017)

М.П. КОВАЛЕНКО, Е.А. РУЦКАЯ
(Пермь)

**ВЗАИМОСВЯЗАННОЕ ОБУЧЕНИЕ
БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ
ПОНИМАНИЮ И ПОРОЖДЕНИЮ
УСТНОГО МОНОЛОГИЧЕСКОГО
ВЫСКАЗЫВАНИЯ**

Рассматриваются специфические характеристики переводческого аудирования и переводческого говорения. Особое внимание уделяется понятию взаимосвязанного обучения видам речевой деятельности. Подробно освещается обучение переводческому аудированию и говорению в их взаимосвязи, что способствует формированию умения выявлять смысловое содержание оригинала и передавать его во вторичном высказывании.

Ключевые слова: *единица речевой деятельности устного перевода, переводческое аудирование, переводческое говорение, взаимосвязанное обучение видам речевой деятельности, смысловое содержание высказывания.*

Эффективность подготовки переводчиков обусловлена профессиональной направленностью учебного процесса с самого начала обучения, уже в рамках практического курса ино-

странного языка. Для осуществления деятельности устного перевода особое значение приобретает формирование навыков и умений аудирования и говорения. Цель данной статьи заключается в том, чтобы выявить особенности и предложить методические решения взаимосвязанного обучения бакалавров-лингвистов переводческому аудированию и переводческому говорению на материале учебного пособия «Семейные предприятия Германии. Интенсивный курс восприятия и понимания на слух иноязычной речи» [5].

Устный перевод как сложный специфический вторичный билингвальный вид речевой деятельности включает аудирование, говорение и думание, которое также рассматривается как отдельный вид речевой деятельности [2]. Как подчеркивает Т.С. Серова, единицей речевой деятельности устного перевода является сложное двухкомпонентное образование: смысловое вербальное решение на основе умозаключения и коммуникативный поступок с текстом-высказыванием [7]. Специфический характер речедетельностной единицы находит отражение в структуре переводческой компетенции, которая объединяет рецептивную компетенцию понимания и продуктивную компетенцию формулирования [10].

Обучение устному переводу требует учета особенностей переводческого аудирования и переводческого говорения. Под переводческим аудированием мы понимаем устную рецептивную речевую деятельность, направленную на формирование программы текста перевода и сопровождаемую письмом-фиксацией [8].

Процесс аудирования как этап устного перевода осуществляется в сложных условиях и приобретает следующие специфические характеристики: восприятие исходной информации изначально определяется установкой на ее передачу в тексте перевода. Таким образом, процесс осмысления уже включает формирование замысла, т.е. внутренней программы смыслового содержания текста (высказывания). Иначе говоря, задача удовлетворения информационных потребностей партнера по коммуникации требует от переводчика более глубокого проникновения в содержание исходного текста. Это позволяет, во-первых, понять смысл оригинала и, во-вторых, реализовать сформированную программу содержания во вторичном высказывании. Объектом восприятия, осмысления и понимания является не только лингвистический компонент дискур-